

Ницше Фридрих Дионисовы дифирамбы filosofff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Фридрих Ницше Дионисовы дифирамбы
Паяц – и только! Поэт – и только!

Когда яснее воздух,
когда роса отрадой
на землю ниспадает,
незримо, так неслышно –
ах, нежны башмачки
росы-отрады, как у отрадно-кротких –
ты помнишь ли, ты помнишь, сердце, дни,
когда алкало ты
слезинок небесных и росных капель,
палимое, алкало ты,
пока по жёлтым тропам трав
злбно вечерние взоры солнца
сквозь чернь деревьев пробегали,
знойно-слепащие взоры, так злорадно?

«Поборник правды? Ты? – глумились так –
о, нет! поэт, и только!
зверь, крадущийся, кровожадный, коварный,
рождённый лгать,
надуманно, продуманно, – но лгать:
алкать добычи,
в пёстрой маске,
сам себе маска,
сам себе добыча –
и он – поборник правды?..
О, нет! Паяц – и только! Поэт – и только!
Пестроречивый,
паяц под маской пестрокрикливый,
пронырливый – по лживым мостам слов,
по пёстрым радугам,
между мнимым небом
и мнимой землёю
парящий, скользкий –
паяц – и только!
Поэт – и только!

И он – поборник правды?..

Не молчаливый, холодный, гладкий, стылый,
нет, не икона,
и не столп бога,
не выставлен пред храмом,
как привратник бога:
нет! Враг подобным идолам-истинам,
в любой пустыне дома, но не пред храмом,
с задором кошки
прыжком в окно любое
шмыг! в любой случай,
к любым джунглям принохиваясь,
жадно-прежадно принохиваясь,
чтобы ты по джунглям мог
меж пятнистых-пёстрых хищников
грешно-здоровым и пёстрым бегать,
красивый,
с губой похотливой,
блаженно-глумливый,
блаженно-адский, блаженно-алчный,
хищно, зорко ползать, бегать...

Или как орёл – глядит он долго,
долго в пропасти, оцепенев:
в свои же пропасти...
О, как они кручей здесь,
срывом на срыв,
глубью за глубиью всё глубже змеются! –
Вдруг

Ницше Фридрих Дионисовы дифирамбы filosoff.org
с налёту, стремглав
крылья на срез, упав,
когтит ягнёнка,
разом, в голоде яром,
ягняток алча,
злобясь на ягнячьи души,
злобно злобясь на всех, кто глядит
по-овечьи, ягнячьи, кудлато-шёрстно,
серо, с ягнячье-овечьим шелкошерстием[3 – В оригинале: «mit
Lammsmilch-wohlwollen», букв, «с молочно-ягнячьей доброжелательностью». Однако wohlwollen перекликается, причём удвоенно перекликается, с wolle – «шерстью». Именно эту перекличку подчёркивает Голосовкер, опуская при этом собственно значение слова.

Итак,
орлины, пантерины
те томления поэта,
те твои томленья под тысячью масок,
ты, о паяц! ты, о поэт!..

Ты в человеке видел
равно овцу и бога – :
бога терзать в человеке,
как овцу в человеке,
и терзая смеяться –

вот оно, твоё блаженство,
орла и пантеры блаженство,
паяца и поэта блаженство!..»

Когда яснее воздух,
когда серп месяца,
зелёный меж багрян,
завистливо скользит:
– враждебен дню,
при каждом шаге тайно
срезая роз гирлянды,
пока не сникнут розы,
не сникнут розы бледно к склону ночи:
так сник и я когда-то
в моём безумье истины,
в моём денном томлении,
устан от дня, больной от света,
– сникал я к вечеру, сникал я к тени,
спалённый истиной,
в жажде истины:
– ты помнишь ли, ты помнишь, сердце, дни –
когда алкало ты? –
Ах я изгнанник
от света истины!
Паяц, и только!
Поэт, и только!

В кругу дочерей пустыни

1

«Не уходи от нас! – сказал тут странник, который называл себя тенью Заратустры, – останься с нами, не то снова найдёт на нас былая мрачная унылость.

Уже дал нам вкусить этот старый кудесник наихудшее из благ твоих, и вот, взгляни, уже у доброго благочестивого папы слёзы в глазах, и он уж совсем было собрался поплыть по морю тоски-уныния.

Пусть эти короли надевают на себя личину веселья перед нами: но не будь здесь свидетелей, бьюсь об заклад, и у них возобновилась бы былая недобрая игра,

– недобрая игра волочащихся облаков, влажной унылости, хмурого неба, украденных солнц, завывающих осенних ветров,

– недобрая игра нашего завывания и крика в беде о помощи: останься с нами, Заратустра! Здесь много скрытого отчаянья, оно хочет высказаться, много вечернего сумрака, много облачности, много спёртого воздуха!

Ты накормил нас ядрёной мужней пищей и крутыми речениями: не допусти же, чтобы на нас под конец трапезы опять напали изнеженные женственные духи!

Только ты делаешь воздух вокруг себя ядрёным и ясным! Встречался ли мне когда на земле столь здоровый воздух, как у тебя в берлоге?

А видел я немало всяких стран, мой нос научился исследовать и оценивать всяческий воздух: но у тебя пьют мои ноздри свою высшую усладу!

Разве только, – о разве только, – о прости мне одно давнее воспоминание! Прости мне одну давнюю застольную песнь, которую некогда сочинил я среди дочерей пустыни.

И у них был такой же здоровый светлый восточно-утренний воздух; там был я наиболее отдалён от облачной влажной уныло-тоскливой Старой Европы!

Тогда любил я таких дев востока и иные, лазурные небеса, над которыми не нависают ни тучи, ни думы.

Вы не поверите, как они мило сидели, когда не плясали, глубокие, но безмысленные, словно маленькие тайны, словно лентами увитые загадки, словно орехи к застолью, –

правда, пёстрые и чуждые! Но безоблачные: загадки, которые не трудно разгадать. Из любви к таким девам сочинил я тогда застольный псалом».

Так говорил странник, называвший себя тенью Заратустры; и прежде чем успел кто ответить ему, он уже ухватил арфу старого кудесника, скрестил ноги и оглядел всех важно и мудро: – ноздрями же он вопросительно-медленно втягивал воздух, как тот, кто в новых странах пробует новый воздух. Затем, подывая, начал он петь.

2

Растёт пустыня вширь: увы тому, кто затаил пустыни!..

3

– Торжественно!
Да, да, торжественно!
Достойный приступ!
Торжественно по-африкански!
Достойно льва
или моральной обезьяны-ревуна...
– но ничто для вас,
о вы, прелестные подруги,
у ваших ножек мне,
европейцу, у подножья пальм
сидеть позволено. Селя́.: #с_3

И впрямь чудесно!
Так вот сию я,
к пустыне близко и опять
так далеко от пустыни,
сам унесён в пустынность:
то есть проглоченный
вот этой крошкой-оазисом
– она как раз зевая
разинула рот свой,
благоуханнейший ротик:

Ницше Фридрих Дионисовы дифирамбы filosofff.org
туда я упал,
пропал, проник – прямо к вам,
о вы, прелестные подруги! Селя́.

Хвала, хвала тому киту,
если благоденствовал так же
гость его! – Ясен вам
сей мой намёк от учёности?
Хвала его брюху,
если было
столь же миленьким оазисом-брюхом
оно, как это: что беру под сомнение.
Потому и прибыл я из Европы:
она же мнительнее всех прочих дамочек.: #с_4
да спасёт её Бог!
Аминь!

Так вот сию я
в этом малом оазисе,
словно финик я,
бурый, сахарный, золотой, бухлый,
так алча кротко рта красоты,
а больше – зубок красоты-девы,
тех льдистых, острых, белоснежных
кусачек; каждый горячий
финик сердцем по ним сгорает. Селя́.

Вот с такими плодами
сходный, слишком сходный,
Лежу я здесь, жучками
крылатыми
ороен, обжужжен.
Равно и теми точечными,
глупенькими, грешенькими
из вздоров и затей, –
и вами осаждён,
о вы, немые, чающие
красотки-кошки,
Дуду и Зулейка,
– осфинксен – так-то в слово
много чувств вложил я
(да простит мне Бог
словоковерканье!..)
– здесь сию и лучший воздух нюхаю,
впрямь, райский воздух,
светлый, лёгкий воздух, злато-полосный,
воздух, какой в кои веки
ронял на землю месяц, –
пусть случайно,
иль то случилось от своеволия,
если верить древним поэтам?
Я ж усомнившийся и здесь –
я сомневаюсь,
потому и прибыл я из Европы,
она же мнительнее всех прочих дамочек.
да спасёт её Бог!
Аминь!

Прекрасный воздух впивая
и ноздри раздув бокалом,
Без грядущего, без воспоминаний
Сию я здесь, весь,
о вы, прелестные подруги,
И вот на пальму смотрю,
Как она танцоркой вдруг
стан согнёт, разогнёт и бедром качнёт
– самому не утерпеть, коль долго смотреть –
ах, танцоркой она, как мне кажется,
всегда, всегда, так долго, долго
всё стояла только на одной ноге?
Так забыла, стоймя, как мне кажется,

Ницше Фридрих Дионисовы дифирамбы filosofff.org

О другой ноге?
По крайней мере я
тщетно искал утрату –
где же клад-близнец,
где вторая нога –
в том священном соседстве
её премиленькой, прехорошенькой
веерно-взлётной и блестящей юбочки?
Да, коль вы мне, о, красотки-подруги,
Готовы верить сполна:
она потеряла её...
Ах, нет её!
Не будет её!
Другой ноги!
О, как мне жаль прелестной другой ноги!
Куда бы ей деться и грустить позабытой?
Ноге одинокой?
Быть может, в страхе перед
злым белокурым
львом-зверюгой? – А вдруг она
обгрызена, обглодана –
о жуть! Увы! Увы! обглодана! Селя́.

Не плачьте же,
Вы, мягкие сердца!
Не плачьте, вы,
О, финики-сердца!
Сосцы молочные!
Сердца-лакрицы-
сумочки.
Будь мужем, Зулейка!
Мужайся! мужайся!
Не плачь же больше,
бледная Дуду!
– Иль уместно здесь
подкрепительное,
душекрепительное?
Елейная притча?
Торжественная треба?..

Эй, сюда! важность!
Дуй же, дуй же снова,
раздувальный мех
добродетелей!
Эй!
Ещё раз рыкнём,
Морально рыкнём!
Словно моральный лев,
пред лицом дочерей пустыни рыкнём!
– Ибо вой добродетели,
вы, прелестные девушки,
куда там больше
жара души европейца,
жадной тоски европейца!
Вот стою я уже,
как европеец,
не могу иначе,
да поможет мне Бог!
Аминь!

* * *

Пустыня ширится, увь тому, в ком затаилась и растёт
пустыня!
Крошится камень, становясь песком; пустыня всё поглотит,
всё в ней сгинет.
Пылает смерти чёрный горизонт,
и смерть жуёт, – лишь так она живёт...

Не забывай средь похотливой суеты:

Ницше Фридрих Дионисовы дифирамбы filosofff.org
Пустыня, камень, смерть – всё это ты... [5 – Последних 6
строк в «Так говорил Заратустра» нет, они добавлены позднее. Приводятся в
пер. И. Эбаноидзе.]: #с_6

Последняя воля

Погибнуть так,
как он погиб когда-то, –
друг, божественные молнии и взоры
бросивший в мою тёмную юность,
– мужественный и глубокий,
танцор среди сражения,

среди воинов – беззаботный,
среди победителей – опечаленный,
судьбою вставший на судьбу свою,
твёрдо, задумчиво, преддумчиво, –

содрагаясь от того, что победил,
ликуя от того, что победил, умирая, –

приказывая, когда умирал,
– и приказ его гласил: уничтожьте...

Погибнуть так,
как он погиб когда-то:
побеждая, уничтожая...

Меж коршунов

Кто захочет здесь вниз,
как мгновенно
канет он в бездну!
– Но ты, Заратустра,
бездны всё ещё любишь,
как вон та сосна? –

Она-то пустит корни,
где содрогнётся от страха
даже утёс;
она-то медлит над бездной,
где всё окрест
рвётся вниз:
меж нетерпеньем
водопадов буйных и камнепадов
ждёт она терпеливо, сурово, безмолвно,
одинокко...

Одинокко!
Да и кто решится
гостем здесь быть,
твоим гостем?..
Коршун разве –
налетит и злорадно
вцепится в волосы
стойкому терпеливцу –
с хохотом диким,
с хохотом хищным...

«К чему эта стойкость? –
глумится жестокий. –
любишь бездны – имей крылья!
Что ж ты повис тут,
висельник жалкий?»

О Заратустра,
грозный нимрод!

Ницше Фридрих Дионисовы дифирамбы filosofff.org
Вчера ещё – зверолов Господень,
силоч для праведников,
зла стреловержец!
А нынче –
сам собою загнан,
себя самого добыча,
себя самого жертва...

Нынче –
в одиночестве с самим собою,
вдвоём с собственным знаньем,
меж сотен зеркал
сам себе неведом,
меж сотен воспоминаний
потерян,
от каждой раны уставший,
от каждой стужи продрогший,
в собственных путях хрипящий, –
Себя самого познавший!
Себя самого казнивший!

Зачем ты опутал себя
собственной мудрости вервью?
Зачем заманил себя
в рай древнего змея?
Зачем ты заполз в себя,
в себя самого?..

И вот – всего лишь больной,
что отравлен змеиным ядом,
и вот – всего лишь пленник,
что вытянул худший жребий:
в собственной копи,
вечно согбенному,
в себе замурованному,
в себя зарываться...
Беспомощный,
окостеневший,
всего лишь труп, погребённый
под стократной ношей,
собственной тяжести ношей, –
знающий!
себя самого узнавший!
мудрец – Заратустра!..

Ты искал тягчайшую ношу
и нашёл себя
и себя ты с себя уж не сбросишь...

Затравлен,
придавлен,
в полный рост ты уже не встанешь!
Да ещё и срастёшься со своим гробом,
дух-горбун!..

А вчера ещё был так горд,
так надменно витал над миром
на котурнах, как на ходулях!
Вчера ещё – гордый отшельник,
в уединенье без Бога,
наедине с дьяволом,
принц в пурпуре спеси!..

И вот –
меж Ничем и Ничем
сдавлен, согбен
вопросительным знаком,
усталой загадкой,
загадкой для коршунов...

уж они тебя «разрешат»,

Ницше Фридрих Дионисовы дифирамбы filosofff.org
они уж алчут твоего «разрешенья»,
твоего разложенья,
уж кружат над тобой, над своей загадкой,
над твоей виселицей!..
О Заратустра!..
Себя самого познавший!..
Себя самого казнивший!..

Огненный знак

Здесь, где среди морей возник остров,
камень-жертвенник обрывисто-высокий,
здесь под чёрным небом зажигает
Заратустра свои зенитные костры,
огненные знаки для мореплавателей хитрых,
вопросительные знаки для хранителей ответа.

Это пламя с бело-седым брюхом
– в холодных далях извивается его похоть,
его шея вытягивается в поисках чистейших высот –
змея, прыгнувшая вверх в нетерпенье:
вой мой знак, воздвигнутый мною передо мною.

Сама моя душа – это пламя;
ненасытно воделея новых далей,
всё выше и выше разгорается её тихий жар.
Почему бежал Заратустра от человека и зверя?
Почему он оттолкнулся от всякой тверди?
Он уже изведаль шесть одиночеств,
но и море для него слишком людно,
и его вознёс остров, и он сам на горе; пламя,
и метнул он крючок над головой,
выживая седьмое одиночество.

Хитрые мореплаватели! Осколки старых звёзд!
Вы моря будущего! Небеса неизведанные!
Я пловец всех одиночеств, для них мой крючок:
отзовитесь на нетерпение пламени;
мне, рыбаку высокогорному, дайте выудить
моё седьмое, последнее одиночество! –

Сигнальный огонь

Здесь, где в лоне морей вырос остров,
за ночь взнесённый жертвенный камень,
здесь под чёрными небесами
зажигает свои огни Заратустра,
сигнальные знаки для заблудших пловцов,
знаки вопроса для знающих ответы...

Это пламя с пепельным чревом –
языки его алчут холодных далей,
оно тянет шею к чистейшим высям,
как змея, выпрямившаяся от нетерпенья, –
вот этот знак я возвёл пред собой.

То сама душа моя пылает:
в ненасытной жажде новых далей
всё вперёд устремляется тихое пламя.
Для чего бежал зверей и людей Заратустра?
Для чего оставил твёрдую почву?
Шесть одиночеств он уже знает,
но даже одиночества моря ему было мало,
острова было мало, и вот на горе; он – пламя,
и в поисках седьмого одиночества
к небесам забрасывает невод.

О пловцы заблудшие! О древних звёзд осколки!

Ницше Фридрих Дионисовы дифирамбы filosofff.org
Вы, моря грядущего! Скрытые тайны неба!
Здесь ловец одиночеств закинул невод:
так ответьте ж нетерпению пламени,
поймайте мне, ловцу на горах высоких,
моё седьмое, последнее одиночество!

Садится солнце

1

Недолго жаждать тебе,
сгоревшее сердце!
Обетованье, разлитое в воздухе,
из уст неведомых на меня дохнуло
великой прохладой...

В полдень жарким было моё солнце.
Тем желанней мне мои пришельцы –
вы, внезапные ветры,
послеполуденные зябкие духи!

Воздух так чужд и чист.
Не метнула ль на меня искоса
свой взор манящий
искусительница-ночь?..
Мужайся, отважное сердце!
Не спрашивай: зачем? –: #с_9

2

День моей жизни!
Садится солнце.
И уже позолочен
ровный поток.
Дышит скала теплом:
верно, в полдень на ней
счастье вкушало свой сон полдневный?
Вон оно ещё брезжит
зеленю отсветов над бурой бездной.

День моей жизни!
Уж близок вечер!
уж око твоё мерцает
полузатменно,
уж скатились первые слёзы
твоей росы,
уж стелется над бледными морями
любви твоей притихший пурпур,
кроткий свет последнего блаженства...

3

Ясность, приди, золотая!
Близкой смерти
сокровеннейшее, сладчайшее предвкушенье!
– Верно, я слишком спешил?
И лишь теперь, как устал,
взор твой настиг меня,
восторг твой настиг меня.

Волн и бликов игра.
Всякая тяжесть в былом
канула в синь забвенья,
праздно колышется чёлн.
Словно б и не было вёрст и бурь!
Желанья лежат на дне.

Ницше Фридрих Дионисовы дифирамбы filosofff.org
На душе, как на море, гладь.

Одиночество седьмое моё!
Впервые так близок мне
желанный причал,
и улыбка солнце тепла.
– Что там пылает ещё?
Не снега ли моих вершин?
Серебристой рыбой, легка,
отправляется в путь ладья...: #с_10

Жалоба Ариадны

кто обогреет меня, кто ещё любит меня?
Где горячие руки?
Где сердце-жаровня?
Простёрта в ужасе,
как будто коченея (кто мне согреет ноги?)
в немыслимом ознобе,
содрагаясь от острых, ледяных, студёных стрел,
твоих стрел, Помысел!
Не произнести твоего имени! Потаённый! жуткий!
Охотник заоблачный!
Тобою пронизанная,
ты язвительный глаз, пронзающий меня из тьмы!
Убиваюсь,
извиваюсь, корчусь, охваченная
всеми вечными муками,
сражённая
тобой, лютой ловчий,
ты неведомый – Бог...

Рань меня глубже,
рань, как раньше!
Пронзи, порази моё сердце!
Разве укусы стрел тупозубых –
казнь для меня?
Зачем ты снова смотришь,
не уставая от моей человеческой муки,
сладожестокими, божественными, молниеносными

глазами?

Ты убивать не хочешь,
а только мучить, мучить?
За что – меня мучить,
ты сладожестоким, неведомый Бог?

Ха-ха!
Ты подкрался
в такую полночь?
Чего ты хочешь?
Скажи!
Ты давишь, душишь!
Ах, слишком близко!
Ты слышишь моё дыханье,
ты подслушиваешь сердце,
ревнивец!
К кому ревнуешь?
Прочь! прочь!
Зачем здесь лестница?
Ты хочешь внутрь
пробраться, в сердце,
в мои затаённые
мысли пробраться?
Бесстыдный! неведомый! Вор!
Что хочешь ты выкрасть?
Что хочешь ты вызнать?
Что хочешь ты вырвать,
мой враг?
Ты бог – истязатель!

Ницше Фридрих Дионисовы дифирамбы filosofff.org
Или ползти мне
к тебе по-собачьи?
Вне себя преданно и вдохновенно
вилять – любовью?
Напрасно!
Язви меня!
Лютейшее жало!
Нет, я не собака, я дичь,
ты, лютейший ловчий!
Я твоя гордая добыча,
ты, заоблачный хищник...
Ответь наконец!
Ты, молниеносец! Неизвестный! Отвечай!
Ты, путегонитель, что хочешь ты – от меня?

Что?
Выкупа?
Выкупа хочешь ты?
Требуешь побольше – в этом гордость моя!
Слов поменьше – другая гордость моя!

Ха-ха!
Меня хочешь ты? меня?
Меня – всю?..

Ха-ха!
Истязаете меня ты, дурак (а кто ты ещё?),
терзаете гордость мою?
Дай мне любовь – кто ещё согреет меня?
Кто ещё любит меня?
Дай горячие руки,
дай сердце-жаровню,
дай мне в моём одиночестве,
когда меня заставляет лёд,
ах! лёд семикратный,
жаждать хотя бы врага,
дай, отдай,
враг лютейший,
мне – тебя!..

Прочь!
И он убежал,
мой товарищ единственный,
мой великий противник,
мой неизвестный,
мой бог-истязатель!..
Нет!
Воротись!
Со всеми твоими пытками!
К тебе текут мои слёзы,
когда с тобою мы врозь,
и напоследок сердце
ради тебя зажглось.
Вернись, мой неизвестный Бог,
вернись, моя боль,
вернись, мой последний вздох!..

Молния. Дионис является в изумрудной красоте.

Дионис:

Образумься, Ариадна!..
Малы уши твои, мои уши твои:
умное слово вмести!
Если не ненавидишь себя, как любить?..
Я твой лабиринт...

1

И давно ты сидишь
на своём злосчастье?
Как бы тебе не высидеть
яйцо,
яйцо с василиском
из долгой твоей хандры!

Что там крадётся Заратустра по ущельям?

Изъязвлённый, недоверчивый, угрюмый,
соглядатай давний –
и вдруг – удар
молнии, яркий, страшный,
удар из бездны в небо –
сотрясается самой горы
чрево...

Где слились в одно
ненависть и молнии стрела,
где грянуло проклятье –
на горах теперь ютится Заратустры гнев,
грозовую тучей крадётся по кручам.

Зарывайтесь же в последнюю перину!
Марш в постель, неженки!
Своды полнятся раскатами громов,
стены ходят ходуном и скрепы –
Заратустра изрыгает проклятья...

2

О, разменная мелочь мира,
слава, –
лишь в перчатках я коснусь монеты этой,
с отвращеньем раздавлю её ногою.

Кто там жаждет оплаты?
Лишь продажный...
На лотке разложен, он хватает
жирными руками
жестяную побрякушку славы.

– Хочешь купить их?
Они все продаются.
Только цену назначь побольше!
Побренчи тугой мошною!
Иначе ты придашь им весу,
придашь весу их добродетели...

Они все добродетельны.
Слава с добродетелью – не разлить водою.
Мир со дня своего основанья
платит за трезвон добродетели
трескотнёй славы.
Мир живёт этим гвалтом...

Перед всеми добродетельными
хочу быть виноватым,
виноватым самой тяжкой виною!
Перед всеми горланами славы
стань червём, моё честолюбье!
Меж такими у меня одно желанье –
стать самым ничтожным...

О, разменная мелочь мира,
Страница 12

Ницше Фридрих Дионисовы дифирамбы filosofff.org
слава, –
лишь в перчатках я коснусь монеты этой,
с отвращеньем раздавлю её ногою.

3

Тише! –
Обо всём великом – я зрю величье! –
надо молчать
или – вещать:
вещай же,
моя восторженная мудрость!

Подымаю взор –
там раскинулись моря света:
– о ночь, о тишина, о гробовой гул!..

Я знак узрел:
из самых дальних далей
ко мне нисходит, медленно мерцая,
созвездье...

4

О высшее созвездье бытия!
О вечных символов скрижаль!
Ты – ко мне нисходишь?
Чего не зрел никто –
твоя немая красота –
как? взоров не бежит она моих?

О печать непреложности!
О вечных символов скрижаль!
Уж ты-то знаешь,
что? они все ненавидят,
что? один я люблю:
твою вечность,
твою непреложность!
Вечно разжигает мою любовь
лишь она – непреложность.

О печать непреложности!
О высшее созвездье бытия! –
коего не достигает желанье,
коего не пятнает ничьё «Нет», –
вечное «Да» бытия!
Навечно я – твоё «Да»:
ибо я люблю тебя, Вечность!

О бедности богатейшего

Прошло десять лет, –
ни капли меня не коснулось,
ни влажного ветерка, ни росинки любви
– земля без дождей...
Теперь я прошу свою мудрость,
среди засухи этой скупую не быть:
излейся сама, сама упади росой,
сама стань дождём пожелтевшей пустыни!

Однажды прогнал я тучи
прочь от моих вершин, –
«больше света, вы, скопления тьмы!», сказал им.
Сегодня маню их назад:
сгустите тьму вокруг меня своими сосцами!
– Хочу подоить вас,
вы, коровы высот!

Ницше Фридрих Дионисовы дифирамбы filosofff.org
парную мудрость, росную сладость любви
я разолью над землёй.

Прочь, прочь, те истины,
что мрачно глядят!
Не желаю я на вершинах своих
горькие, нетерпеливые истины видеть.
Златой осиянна улыбкой,
напитана сладостью солнца, с румянцем любви,
пусть придёт ко мне истина нынче, –
только зрелую истину сорву я с дерев.

Ныне я руку тяну
к кудряшкам случая,
довольно научен, чтоб случай,
словно дитя, за ручку вести,
и переиграть играючи.
Ныне буду я гостеприимен
к неожиданному,
против самой судьбы ощетиниваться не стану
– Заратустра не ёж.

Душа моя
ненасытным своим языком
распробовала уже и хорошее и дурное,
во все глубины нырнула она.
Но всякий раз, пробкой,
снова всплывала наверх.
Лоснится она на бронзово-смуглых волнах:
из-за этой-то души называют меня счастливецем.

Кто мне мать и отец?
Не отец ли мне принц Изобилье,
а мать – радостный смех?
Не их ли союз породил
меня, диковинную загадку,
меня, светлого демона,
меня, расточителя мудрости Заратустру?

Болен нежностью ныне
и влажным ветром,
сидит Заратустра и ждёт, ждёт на своих горах,
сварившийся и налившийся сладостью
в собственном соку,
под вершиной своей,
подо льдом своим,
усталый и блаженный,
творец на седьмой день творенья.

– Тише!
Истина проплывает надо мной,
словно облако, –
невидимыми молниями бьёт она в меня.
По широким медленным лестницам
сходит ко мне её счастье:
приди, о приди, возлюбленная истина!

– Тише!
Вот она, моя истина! –
Из медлящих глаз,
из бархатного трепета
разит меня её взгляд,
милый, язвящий девичий взгляд...
Она угадала, в чём моё счастье,
она разгадала меня – эй! что это она задумала? –
Огненно затаился дракон
в бездне её девичьего взора.

– Тише! Моя истина говорит! –

Горе тебе, Заратустра!

Ницше Фридрих Дионисовы дифирамбы filosoff.org
Ты похож на того,
Кто золото проглотил:
тебе ещё вспорют брюхо!..

Слишком уж ты богат,
ты, развратитель многих!
Слишком многих делаешь ты завистниками,
слишком многих делаешь бедняками...
На меня саму тень бросает твой свет, –
меня бросает в озноб: прочь уйди, ты, богач,
прочь, Заратустра, из твоего солнца!..

Ты мог бы всем раздарить свой излишек,
но сам ты – излишество!
Пойми ты, богач!
Сперва раздари себя самого, о Заратустра!

Прошло десять лет, –
и ни капли тебя не коснулось?
ни влажного ветерка? ни росинки любви?
Но кто же мог бы любить тебя,
ты, богатейший?
Счастье твоё всё иссушает вокруг,
безлюбными делает
– землёй без дождей...

никто тебе не благодарен.
Но ты благодарен всякому,
кто у тебя берёт:
тебя узнаю; я в этом,
ты, богатейший,
ты, беднейший из всех богачей!

Ты в жертву приносишь себя, тебя мучит твоё богатство, –
ты себя раздаёшь,
ты себя не жалеешь, ты не любишь себя:
всё время терзаем великой мукой,
мукой переполненных житниц, переполненного сердца –
но никто тебе не благодарен...

Беднее должен ты стать,
неразумный мудрец,
коль хочешь любимым быть.
Любят только страдальцев,
любовь дают только голодным:
сперва раздари себя самого, о Заратустра!

– Я – твоя истина...

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакии buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!